

Справедливое судопроизводство по уголовным делам: стандарты ООН и факторы трансформации его российской модели¹

Тимошенко Андрей Анатольевич,
профессор Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: antim1@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа международных стандартов в области правосудия, обсуждавшихся на 13 Конгрессах ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию начиная с 1950 г., рассмотрены характеристики «идеальной», с точки зрения мирового сообщества, модели справедливого уголовного процесса. В условиях достаточно широкого понимания признака справедливости как на уровне национальных правоприменительных органов, так и в условиях применения международных актов различными межправительственными организациями, вычленив ключевые признаки справедливости является достаточно важным.

Автором исследованы не только Международные конвенции и декларации, обсуждавшиеся на Конгрессах, но и изучены их рабочие документы, что позволило более точно определить желательный вектор развития национального законодательства при его движении в сторону построения более справедливого уголовного процесса.

Выводы, сделанные в работе по результатам исследования, могут быть использованы в законотворческой деятельности, а также являться предметом научного обсуждения приемлемости рекомендаций международного сообщества для целей эффективной правотворческой и правоприменительной деятельности.

Автором также предложено учитывать выявленные факторы, влияющие на справедливость судопроизводства, при построении моделей сценарного анализа, касающихся будущей трансформации судебной системы в связи с ее глобальной цифровизацией.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, общепризнанные принципы и нормы международного права, права человека, цифровизация, трансформация судебной системы, справедливость, право на справедливое судебное разбирательство.

В условиях все более ускоряющегося развития общества, вовлеченного в глобальные мировые процессы, связанные, среди прочего, с цифровизацией окружающей жизни, и сталкивающегося в связи с этим с непредвиденными вызовами, обеспечить его устойчивость, не допустить нарушения сложившегося порядка взаимоотношений индивидов, их объединений и государственных образований является жизненно необходимым.

Как известно, одним из главных субъектов достижения данной цели является государство с его генеральной функцией сохранения целостности общества, осуществляемой посредством права [1, с. 16-17].

От разрушения социум спасает запрет наиболее опасных для него в целом и каждого индивида в частности деяний. При этом еще со времен Античности было замечено, что реально работающий перечень преступных проявлений социально обусловлен и не зависит от воли отдельного политика. В частности, Цицероном отмечено, что можно утвердить любой закон (даже потакая прихотям жестокого императора Суллы), однако он будет неразумным, его будут стремиться игнорировать, что позволит выявить его несправедливую сущность [2].

К началу XXI в. данное обстоятельство в совокупности с активным развитием объединяющих мир экономических и политических процессов привело к появлению в большинстве стран во многом схожего уголовного законодательства, затрагивающего ключевые для современного человечества проблемы: организованная

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16151 мк.

преступность, терроризм, преступления против человечества, незаконный оборот наркотиков, легализация добытого преступным путем и другие².

В подтверждение этому отметим, что Управлением ООН по наркотикам и преступности для статистических целей разработана международная классификация преступлений, учитывающая более 1200 деяний, криминализованных в подавляющем большинстве стран мира³. Свою лепту в унификацию уголовного законодательства вносит работа различного рода органов ООН, в том числе функциональной Комиссии ЭКОСОС по предупреждению преступности и уголовному правосудию, а также созданный в ранге Программы ООН Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ).

В этой связи логичным продолжением унификации уголовного законодательства и уголовного права является стремление к приведению к единому образцу процедур, принимаемых при установлении обстоятельств совершенных деяний. Поэтому не случайно указание в рекомендациях ООН на необходимость помимо выработки адекватных мер предупреждения преступлений одновременно обращать внимание на универсализацию процедур уголовного судопроизводства с целью обеспечения его справедливости⁴.

Выработка наиболее оптимальной модели судопроизводства для апробации ее в условиях глобализации и сопутствующей ей цифровизации всех сфер жизни общества невозможна без учета международного опыта [29].

Следует сразу же подчеркнуть, что ряд ключевых требований к организации производства

по уголовным делам в общепризнанных международных правовых актах сформулированы путем обращения к категории справедливого в контексте признания за человеком права на доступ к особому виду судопроизводства, направленного на защиту минимума его процессуальных прав (см. ст. 6 регионального международного акта — Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), а равно обеспечивающего функционирование компетентного, независимого и беспристрастного суда (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

В данном исследовании будут рассмотрены ключевые требования к справедливости судебного разбирательства, предъявляемые ООН. Их соблюдение позволит де-юре рассчитывать на возможность заявить о соответствии применяемого в стране правосудия принципам международного права, а изучение обстоятельств их принятия — предостеречь от попыток расширительного толкования категории справедливого в правоприменительном процессе, а также при организации дипломатических переговоров.

В наше время основным документом, устанавливающим общепризнанные принципы и нормы международного права, является уже названная ранее Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁵

Ее положения достаточно четко фиксируют право каждого на обеспечение справедливого судебного разбирательства по его делу. Этот посыл настолько универсален и широк по содержанию, что для его формулировки потребовалось использование сразу нескольких самостоятельных статей, закрепляющих отдельные гарантии надлежащего правового статуса личности:

- каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет равное право на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10);
- каждый имеет право на восстановление в правах компетентными национальными судами в случае их нарушения (ст. 8);
- никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию и изгнанию (ст. 9);
- каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства,

² См. фундаментальную работу: Lemonik. M.M. [3, p. 4]. Несколько в стороне находятся вопросы применения ответственности за религиозные преступления, к примеру, в некоторых странах исламского права с опорой на нормы шариата [4, с. 16–17].

³ Обследование тенденций в области преступности и функционирования систем уголовного правосудия, проведенное Организацией Объединенных Наций в 2018 году (UN-CTS, 2018 год) // Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: <https://www.unodc.org/unodc/> (дата обращения: 24.04.2020).

⁴ Созданная в соответствии с Резолюцией ЭКОСОС 1992/1 от 06.02.1992 Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию в своей деятельности обязана руководствоваться Резолюцией ЭКОСОС 1992/22 от 30.07.1992, которая определяет среди ее приоритетных задач не только поиск методов борьбы с транснациональной и внутригосударственной преступностью, но и распространение справедливых процедур судопроизводства (официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности). URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 22.01.2020).

⁵ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1995. 5 апр. № 67.

при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты (ст. 11).

При этом если учесть особое юридическое значение Всеобщей декларации, которая, по мысли Н.А. Липкиной, формулирует не конкретные правила поведения, а обычно-правовые нормы или нормы общего международного права, их последующее развитие в других актах международного права не только приветствуется, но и активно осуществляется [5, с. 63]. Достаточно отметить, что идеи, заложенные в Декларации, становились преамбулой многих признанных универсальных международных договоров. Поэтому юридическая сила этого документа является бесспорной.

Не вызывает никаких сомнений, что приведенные гарантии прав личности являются неотъемлемыми и не могут быть преодолены ни при каких обстоятельствах. В этом контексте представляет интерес решение регионального органа по защите гражданских прав — Европейского Суда по правам человека по делу «Найт-Лиман (Nait-Liman) против Швейцарии», в соответствии с п. 108 которого признано, что любая норма общего международного права (в рассматриваемом постановлении речь идет о запрете коллективной высылки и применения пыток) не может быть преодолена со ссылкой на государственный суверенитет, а неочевидная ответственность государства за нарушения, допущенные другими национальными правительствами, безусловно наступает⁶.

Высокую оценку Всеобщей декларации прав человека дал и Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин, который указал на то, что она есть «первый универсальный международный акт, в котором государства мирового сообщества согласовали, систематизировали и провозгласили основные права и свободы, которые должны быть предоставлены каждому человеку на Земле» [6].

На предельно общий характер данного документа обращается внимание и в доктринальной литературе. Так, в классическом труде по международному праву вполне резонно приведена точка зрения об отнесении Декларации к сборнику норм *jus cogens* [7].

Развитием идей, заложенных во Всеобщей декларации прав человека и основных свобод, явилось принятие 16.12.1966 на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии Резолюцией 2200 (XXI) Международного пакта о гражданских и политических правах⁷.

⁶ Постановление ЕСПЧ от 05.03.2018 по жалобе № 51357/07 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // СПС КонсультантПлюс.

Здесь также не обошлось без взаимных претензий государств друг к другу. Современный исследователь этого международного договора, признанный специалист в области международного права профессор Е.А. Лукашева совершенно справедливо отмечает основную причину противоречий между Великими державами по поводу разработки и принятия Международного пакта — она заключается в «несовместимости двух концепций прав человека — либеральной и социалистической» [8, с. 16].

При этом автор особое внимание уделяет приоритетности либеральных прав, основанных на традициях западной философии, выраженных в трудах великих мыслителей: Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка.

Однако при таком подходе, несомненно, уменьшается значение влияния социалистического лагеря на развитие международного права в части установления гарантий реализации прав личности.

По мысли основоположников марксизма-ленинизма основная претензия, которая в этом плане может быть предъявлена к системе ценностей капиталистического общества, — это фактическая недоступность провозглашенного равного доступа каждого к общественным благам.

Так, В.И. Ленин писал: «Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в “мелких”, якобы мелких, подробностях избирательного права ... ограничения демократизма» [9, с. 88].

Источником, можно сказать, методологического конфликта Советского Союза с Западом является обвинение последнего в демонстративном провозглашении необеспеченных прав и свобод.

Во многом благодаря этому Пакт ратифицирован СССР лишь в 1973 г., т. е. спустя более чем 6 лет после принятия.

Анализ текста этого универсального международного договора заставляет особо отметить колоссальное внимание, уделяемое в нем обеспечению надлежащих судебных процедур, защите прав граждан за счет всего имеющегося у государства юридического инструментария.

В соответствии с Пактом государства обязались создать условия для любого лица, заявившего о нарушении его законных интересов, для обращения за правовой защитой к государственным органам, в том числе к компетентными судебными властями (ст. 2).

Примечательно, что в одном ряду с судом, как ключевым защитником нарушенных прав,

здесь называется система других органов государственной власти. При этом в силу особого статуса судебной власти государства-участники призываются к исполнению обязанности «развивать возможности судебной защиты». Видимо, данный подход говорит об изначальной уязвимости суда по сравнению с требующей ограничения исполнительной властью, что, впрочем, не мешает настаивать на такой же приоритетности правозащитной функции для национальных правительств, практически такой же, которую выполняют судьи.

Однако в доктринальных источниках судебная защита все же относится к «наиболее эффективным способам правовой защиты» [10, с. 282].

Конституционный Суд Российской Федерации пошел еще дальше — признал судебную защиту гарантией от произвола законодательной и исполнительной властей, а также от ошибочных судебных решений⁸. Отсюда следует и обратное суждение: право на правовую защиту должно обеспечиваться компетентными судебными, административными и законодательными властями.

Особое внимание в Международном пакте о гражданских и политических правах уделено вопросу обеспечения доступа к надлежащему судебному разбирательству в отношении лиц, задержанных в связи с их возможной причастностью к совершению преступления.

В соответствии со ст. 9 Пакта:

- каждое арестованное или задержанное по обвинению в совершении преступления лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу — представителю судебной власти;
- такое лицо располагает правом на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение;
- содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, их освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки в суд в любой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

Установлены также требования к самой процедуре такого разбирательства (ст. 14 Пакта): каждый имеет право на рассмотрение уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.1999 № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

Тем самым, Пакт предусматривает особые требования к субъекту, призванному осуществлять такое разбирательство (должен быть задействован отвечающий перечисленным признакам суд), предмету судебного исследования (должно быть рассмотрено обвинение) и к самому слушанию (должно иметь признаки публичности и справедливости).

Отдельное внимание обращает на себя перечисление качественных характеристик гарантированного международным договором судебного разбирательства.

Совершенно очевидно, что сам по себе справедливый и беспристрастный суд искомой справедливости может не образовывать.

Относительно публичности разбирательства авторы рассматриваемого международного договора сразу же уточняют, что «печать и публика» могут не допускаться во все судебные заседания или в их часть по соображениям безопасности и защиты частных интересов. Отметим, что этимологически слово публика близко к понятию народ (население)⁹, присутствие которого в судебном процессе образует его публичность¹⁰.

В той же статье 14 Пакта, как и во Всеобщей декларации прав человека, провозглашается принцип презумпции невиновности, а вслед за ним — некие гарантии для каждого, кому предъявлено обвинение:

- быть уведомленным на родном языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- иметь достаточное время для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им защитником;
- иметь возможность присутствовать в судебном заседании и защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или бесплатного защитника по назначению;
- допрашивать показывающих против него свидетелей и требовать допроса их в установленном порядке, точно так же как требовать вызова свидетелей в свою защиту;
- при необходимости пользоваться бесплатной помощью переводчика;
- вправе отказаться от дачи показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

На первый взгляд перечисленные процессуальные гарантии обеспечения прав личности, вовлеченной в сферу уголовного

⁹ В России применяется со времен Петра I также в значении «простой народ» [11].

¹⁰ Устаревшее значение понятия «публичный» связывают с присутствием, наличием публики. См. Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 05.11.2017).

судопроизводства, выглядят несколько бессистемными, вырванными из контекста единого процессуального регулирования порядка осуществления производства по уголовному делу.

Напрашивается расширение установленных гарантий за счет определения минимальных требований к «квалифицированному защитнику», введения запрета на злоупотребление процессуальными правами, гарантирования наряду с обвиняемым равного доступа к правосудию потерпевшим.

Однако требовать большего в ситуации принятия Международного пакта проблематично. Его текст формируется по результатам обсуждения предложений разработчиков, а также делегатов стран — участниц ООН, представляющих совершенно разные правовые системы. Является не случайным отказ этих государств принять единый Международный пакт о правах человека, а состоявшееся разделение его на два Международных пакта (О гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах) является следствием обозначенного выше спора относительно двух концепций прав человека¹¹.

Пакт открывает почву для диалога, предоставляет возможность ссылаться на его положения как на полноценные нормы международного права.

Идеи, изложенные в Международном пакте, активно заимствуются другими международными организациями и группами государств. К примеру, в 1980 г. была принята Универсальная исламская декларация прав человека, которая практически полностью повторяет приведенные нами положения относительно права каждого на доступ к правосудию и в то же время усиливает их: провозглашено не только право, но и обязанность каждого протестовать против несправедливости правосудия [12, с. 6]. Однако мы вынуждены сделать оговорку относительно замеченной юристами-международниками тенденции деуниверсализации внедрения идеи международной защиты прав человека. Феномен стремления к «азиатским ценностям», отказа граждан стран Азиатско-Тихоокеанского региона от обращения в суд, предпочтение ему медиации, заставляет задуматься об условности и некоторой формальности международного признания ценностей Пакта [14, с. 83–85].

К тому же демонстрируемое США отсутствие приоритета норм международного права

над национальным законодательством¹² не позволяет уверенность в повсеместную исполнимость стандартов ООН по доступу к правосудию.

Однако сама логика применения общих норм международного права, закрепленных в Международном пакте, позволяет сделать вывод о недопустимости прямого нарушения защищаемых в соответствии с ним гарантий обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Действительно, без уведомления привлекаемого к ответственности лица о существовании обвинения вряд ли можно ожидать необходимый уровень овладения защитником или обвиняемым материалами дела, и тогда не верится и в их возможность достойно участвовать в исследовании доказательств.

Точно так же допрос свидетелей обеспечивает суду возможность всесторонне изучить полученные доказательства. Предполагается, что в классическом состязательном процессе, где обвинение действует односторонне, последнее может не удержаться от предоставления доказательств в несколько суженном виде, ничто не запрещает прокурору умолчать о каких-либо фактах, имеющих значение для оценки представленных им доказательств. И лишь защитник, преследующий противоположную цель (добиться оправдания своего клиента), способен расширить угол зрения суда, обеспечивая таким образом всесторонность в исследовании доказательств [30].

При этом в соответствии с п. 3 ст. 14 Пакта доступ к провозглашенным гарантиям должен осуществляться на основе «полного равенства». В этом смысле данная норма корреспондирует с правилом ст. 26 Пакта, устанавливающим принцип равной защиты всякого законом.

Примечательно, что известное классическому римскому праву понятие «*aequitas*» (справедливость) в своем первоначальном значении понималось историками Титом Ливием и Карнелием Тацитом как «равенство» [16, с. 63].

В уже нами рассмотренной ст. 14 Пакта предусмотрена также необходимость соблюдать разумный срок судопроизводства, что напрямую с правом на защиту не связано, ведь длительное разбирательство лишь умаляет воспитательную значимость судопроизводства, делает его рутинной процедурой. При этом затягивание

¹¹ Достаточно сказать, что при принятии менее конкретного и объемного документа Всеобщей декларации прав человека на голосование ставились практически все ее положения, оно повторялось более 1400 раз (см. работу Барышева Е.В. [12]).

¹² Речь идет об известном в американском праве принципе «*the latest expression of the sovereign will*» (последнее по времени выражение суверенной воли), при реализации которого значение имеет закон (а международный договор имеет статус не выше закона), принятый позже всего (решения Верховного Суда США по делу *Head Money* (1884) и *Whitney v. Robertson* (1888) — цит. по: работе Осминина Б.И. [15, с. 239]).

процесса не исключает возможность обеспечения надлежащих средств правовой защиты для обвиняемого.

Точно так же имеющееся в ст. 14 Пакта указание на необходимость обеспечить особую процедуру производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, учитывающую их возраст и предусматривающую принятие мер для их перевоспитания, по сути призывает к изменению качества всего уголовного процесса, а не только реализации права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

В комплексе перечисленные гарантии образуют единое, защищаемое в соответствии с международным договором Российской Федерации право любого гражданина на справедливое судебное разбирательство.

По этой же логике: судебное разбирательство не будет считаться справедливым, если ущемляется право осужденного на пересмотр приговора судом вышестоящей инстанции, а также право на реабилитацию при допущении судебной ошибки (п. 6 ст. 14 Пакта). Противоречит самому естеству правосудия и несоблюдение принципа: *non bis in idem* — нельзя дважды судить за одно и то же — в соответствии с уголовно-процессуальным законом (п. 7 ст. 14 Пакта)¹³.

Таким образом, согласно принципам, закрепленным в Международном пакте о гражданских и политических правах, реализация права на справедливое судебное разбирательство уголовных дел предполагает такую организацию судопроизводства, при которой не только гарантируется право на защиту, но и обеспечивается особый порядок судопроизводства, максимально учитывающий интересы личности подсудимого и имеющий своей целью установить на основании необходимых доказательств обстоятельства совершения преступления в полном объеме.

Однако мало провозгласить правило, главное — обеспечить реальное воплощение его в жизнь. С этой точки зрения Пакт выгодно отличается от ранее принятых актов международного права ввиду более конкретного подхода к формулированию закрепленных в нем признаков справедливости судопроизводства.

¹³ Данная процессуальная оговорка в, можно сказать, фундаментальном или общепризнанном международном договоре делает, на наш взгляд, возможным использование административной преюдиции при формировании оснований для привлечения виновных к уголовной ответственности. Тем более что традиция отнесения «административных» проступков к числу таковых не в связи с их правовой природой, а ввиду другой системы наказания достаточно долго господствовала в Европе и была знакома российскому дореволюционному законодательству (см. работу Л.В. Головки [17]).

Многогранность рассматриваемого правового феномена заставила международное сообщество продолжить работу по определению критериев справедливости судопроизводства.

Основной площадкой обсуждения данной проблематики традиционно являются Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

В литературе высказывается точка зрения о том, что вырабатываемые на этих Конгрессах позиции относительно толкования норм международного права, подготовки конкретных ответов на вызовы современности превращаются в международно-правовые обычаи, которые в конце концов становятся нормами права: после включения их в имеющие обязательную силу международные договоры или имплементации во внутригосударственное законодательство¹⁴.

Обратим внимание на знаковые заседания Конгрессов ООН, на которых обсуждались вопросы обеспечения справедливости правосудия.

Наиболее результативным в этом смысле оказался **V Конгресс** по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, Швейцария, 1975 г.).

Лейтмотивом выступлений делегатов стала необходимость учета социальных факторов при организации борьбы с преступностью, в ходе работы активно использовались прямые ссылки на науку о поведении — бихевиоризм при оценке деятельности преступника. Заданная тенденция была воспринята советскими криминологами и нашла яркое выражение в известной коллективной монографии ведущих ученых-криминалистов в соавторстве с признанным высококвалифицированным специалистом-генетиком Н.П. Дубининым [19].

Поражает продемонстрированная на Конгрессе глубина рассуждений относительно организации надлежащего уголовного судопроизводства. Ниже приведены отдельные выдержки из соответствующего рабочего доклада¹⁵:

- юридическая помощь должна стать доступной беднейшему населению, особенно в странах, освободившихся от колониальной зависимости;
- отдельные правовые институты осуществления правосудия (например, суд присяжных)

¹⁴ Например, М.В. Скирда считает, что документы Конгрессов превращаются в нормы так называемого «мягкого» права, носящих обычный характер [18].

¹⁵ См. Рабочий документ V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями «Роль уголовного законодательства, отправления правосудия и других форм общественного контроля в предупреждении преступности» // Документ ООН A/CONF. 56/4.

не должны вслепую заимствоваться у развитых стран, т. к. вызванное этим затягивание процесса только озлобляет население, настраивая его против судебной системы;

- должна только приветствоваться передача уголовных дел о преступлениях небольшой тяжести на рассмотрение внесудебных органов («общинный суд», «товарищеский суд»), т. к. это позволяет лучше, с учетом местных традиций способствовать предупреждению преступности;
- уголовный закон не должен «составляться» произвольно или без учета местных традиций;
- на всех стадиях процесса (судебных и досудебных) к уголовному делу необходимо относиться критически, всякий раз рассматривая основания для прекращения производства по нему;
- излишняя публичность судебного разбирательства, активное освещение его в прессе может негативно сказаться на беспристрастности судей;
- лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, само по себе не обладает какими-либо негативными чертами, обосновывающими пренебрежительное отношение к нему, напротив, согласно проведенным в США исследованиям, практически каждый в определенном возрасте совершал преступления, что свидетельствует об отсутствии каких-то глобальных отклонений у преступника.

Однако наибольший интерес представляет обсуждавшаяся на Конгрессе тема насилия над осужденными с целью получения у них признательных показаний. На фоне разразившегося в 1970-е гг. в Уругвае скандала, когда стало ясно, что американские советники ввели в практику местных полицейских пытки политических заключенных, потребовалось принять конкретные шаги по недопущению подобного впредь [20, с. 307].

Конгрессом была одобрена Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹⁶.

Декларация стала результатом осмысления международным сообществом пагубности унижения человеческого достоинства граждан в ходе уголовного преследования со стороны государства, действующего через своих представителей. Так, в соответствии со ст. 1 этого документа пытка есть «любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется

сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству с целью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц». Отсюда любое действие официального органа власти, включая следователя, прокурора или судьи¹⁷, влекущее боль или страдание для привлекаемого к уголовной ответственности лица с благой целью установления обстоятельств содеянного, рассматривается в качестве недопустимого для целей обеспечения справедливости разбирательства. В свое время еще И.Я. Фойницкий указывал на опасность безграничной власти следователя над обвиняемым, когда «воодушевленный лучшими намерениями он (следователь — А.Т.) почти незаметно для самого себя переходит границу необходимости» [21, с. 6].

В соответствии с обязательством, закрепленным в ст. 6 Декларации, государства должны постоянно анализировать «методы и практику ведения допросов» различных лиц с целью недопущения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

В статье 9 Декларации говорится еще более конкретно — необходимо организовать беспристрастное расследование возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, даже в случае отсутствия соответствующей жалобы от пострадавшего.

Прямым юридическим процессуальным последствием применения пытки в любом ее виде является невозможность использования в качестве доказательства признательных показаний обвиняемого (подозреваемого).

Эти и другие идеи легли в основу принятой 10.12.1984 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹⁸.

Подчеркнем, что в ст. 15 названной Конвенции особенно оговаривается правило о недопустимости использования именно в судебном

¹⁷ Автору, к примеру, известен случай оказания прямого физического воздействия судьей на свидетеля, допрошенного в судебном заседании под псевдонимом. Судья, удовлетворив ходатайство стороны защиты о раскрытии подлинных данных о личности этого участника уголовного судопроизводства, лично пыталась извлечь свидетеля из шкафа, куда он был помещен для обеспечения исключения его визуального наблюдения присутствующими в зале суда лицами (материалы Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

¹⁸ Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 39/46 от 10.12.1984.

¹⁶ Принята в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975 № 3452 (XXX) // СПС КонсультантПлюс.

заседании показаний, данных под пыткой даже в ходе досудебного производства.

В части II документа гарантируется возможность рассмотрения любых жалоб на нарушение Конвенции в специально созданном и состоящем из экспертов органе — Комитете против пыток (состоит из 10 человек, обладающих высокими моральными качествами и признанной компетентностью).

Сообщение о применении пыток подлежит рассмотрению Комитетом в случае неприменения (в момент изучения вопроса о приемлемости обращения) в отношении заявителя иных межгосударственных процедур защиты, а также при исчерпанности внутренних мер правовой защиты¹⁹.

По общему правилу юрисдикция Комитета ограничивается рассмотрением сообщений о применении пыток, поступивших от государств — участников названного международного договора.

Однако при этом каждая договаривающаяся сторона вправе признать полномочие Комитета рассматривать жалобы ее граждан напрямую²⁰.

При разрешении обращений Комитет активно ссылается на свою собственную практику оценки положения дел в стране — предполагаемой нарушительнице Конвенции против пыток, использует официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН.

К примеру, при рассмотрении Сообщения «Инасс Абишу против Германии» Комитет указал на недопустимость выдачи заявителя в Тунис в силу «существования в стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека»²¹.

Значительное число дел, рассматриваемых этим договорным органом ООН не в пользу национальных правительств, касается выдачи подвергающихся уголовному преследованию лиц в «неблагополучные страны». Поэтому

¹⁹ Это правило не действует в тех случаях, когда применение данных мер неоправданно затягивается или вряд ли окажет эффективную помощь лицу, являющемуся жертвой нарушения настоящей Конвенции, и поэтому не требуется прохождение всех судебных процедур разрешения уголовного или административного дела.

²⁰ СССР признал компетенцию Комитета против пыток в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР от 05.07.1991 № 2307-1 «О снятии оговорки в отношении статьи 20 и о признании компетенции Комитета против пыток в соответствии со статьями 21 и 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (СПС КонсультантПлюс).

²¹ Сообщение № 430/2010. Решение принято Комитетом 21.05.2013 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014). СПС КонсультантПлюс.

ключевое значение для выстраивания Комитетом своей позиции относительно благонадежности той или иной судебной системы имеет информационное сопровождение его деятельности.

Так, в соответствии с пунктом H Доклада Комитета против пыток о своей работе в 2016–2017 гг. наблюдается его активное сотрудничество с такими неправительственными организациями, как Датский институт против пыток «Достоинство», международной организацией «За справедливые судебные разбирательства»²².

В условиях пренебрежения процессуальным статусом личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, создания информационных поводов для утверждения о наличии массовых фактов жестокого обращения с гражданами со стороны властей могут создаваться угрозы репутационного характера системе производства по уголовным делам той или иной страны. К примеру, в распространяемом под эгидой Комитета против пыток методическом пособии для гражданских лиц по составлению соответствующих обращений подчеркивается сугубо информационное значение таких заявлений: «единственный путь к повышению эффективности мер по пресечению нарушения прав человека со стороны международного сообщества состоит в снабжении его необходимой информацией» [22, с. 9].

Поэтому у правоохранительных органов, представителей судебной власти появляется особая задача — больше внимания уделять обеспечению доступности для средств массовой информации судебных процессов, а также соблюдению в связи с этим особых к ним требований, предполагающих в числе прочего создание условий их воспитательного воздействия на население за счет публичности.

Помимо изложенного также нельзя не принять во внимание лекцию директора Канадской ассоциации криминологии и исправительной практики У. Макграта, прозвучавшую на Конгрессе. Докладчик затронул уже поднимавшуюся нами проблему внедрения норм морали в практику уголовного судопроизводства. По его мнению, акцент на рационализм, создание жестких правил, устанавливающих административную или уголовную ответственность, не позволяет обеспечить профилактику преступности. Однако существующие трудности могли бы быть разрешены за счет создания «прочного

²² Доклад Комитета против пыток, утвержденный на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (документ № A/72/44, GE. 17-10174) // Официальный сайт Комитета против пыток. URL: www.tbinternet.ohchr.org (дата обращения: 20.08.2017).

философского фундамента, придающего должное значение моральной ответственности, а также правам индивидуума»²³.

В этом контексте V Конгресс ООН впервые высказался за необходимость надправового регулирования деятельности правоохранительных органов: одобрено предложение разработать международный кодекс полицейской этики, предусмотреть для «блюстителей порядка» дополнительные ограничения относительно реализации ими своих служебных полномочий²⁴. Отмечается также необходимость сформулировать отдельные нормы, которые позволили бы незамедлительно увольнять полицейских за нарушение кодекса этики. В общем и целом документ должен являться «жестким стимулом к уважению прав граждан» и проявлению уполномоченными должностными лицами необходимой предусмотрительности к своему поведению.

Несмотря на достижения в обсуждении отдельных аспектов справедливости судопроизводства впервые на уровне Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями проблема обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, как комплексного явления, была рассмотрена на состоявшемся в Каракасе 25 августа — 5 сентября 1980 г. VI Конгрессе ООН. Примечательно, что в итоговом документе, принятом по результатам работы данной международной конференции, — Каракасской декларации²⁵ особо указывается на необходимость проведения политики в области уголовного правосудия и построения системы отправления правосудия таким образом, чтобы «она основывалась на принципах, гарантирующих равенство всех перед законом без какой-либо дискриминации, эффективность права обвиняемого на защиту и наличие судебных органов, способных обеспечить быстрое и справедливое отправление правосудия, а также предоставлять всем максимальную безопасность и охрану прав и свобод» (п. 6).

Буквальное толкование данного положения приводит к мысли об отсутствии исчерпывающего перечня признаков справедливости уголовного судопроизводства, да и названные

(равенство, отсутствие дискриминации, недопустимость волокиты) каждый по себе и все вместе справедливости не гарантируют.

Также Декларация призывает включать в штат органов отправления правосудия наиболее квалифицированных лиц, способных выполнять стоящие перед ними задачи независимо от личных интересов и интересов каких-либо групп (п. 5 документа).

Спустя 25 лет после принятия названного акта международного права на очередном Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию было отмечено, что Каракасская декларация впервые призвала международное сообщество не навязывать всем без исключения странам единые стандарты правосудия. В обязательном порядке должны учитываться конкретные социальные, культурные, стандартные и экономические условия жизни населения в конкретной стране. Вместо этого процесс должен быть постепенным, заданная модель подлежит применению по мере устранения препятствий ее реализации²⁶.

Другими словами, справедливость судопроизводства может быть затронута и иными действиями, явно ставящими под угрозу соблюдение норм уголовно-процессуального права, гарантирующих единый порядок производства по уголовному делу.

Среди вопросов, позволяющих обеспечить справедливость процесса, на Конгрессе также поднималась проблема дифференциации уголовно-процессуальной формы: предлагалось установить особые правила в отношении несовершеннолетних обвиняемых²⁷.

С точки зрения делегатов VI Конгресса ООН принципиальное значение для выработки единой концепции ювенальной юстиции имеет факт применения более мягких специальных процедур в отношении несовершеннолетних на всех этапах производства по делу. Данная особенность связана именно с молодым возрастом привлекаемого к уголовной ответственности лица, что требует послаблений и максимального обережения его от воздействия негативных «взрослых» факторов осуществления уголовного преследования. В этом смысле процессуальные права за несовершеннолетним признаются только в той мере, когда их использование позволяет оказать ему содействие посредством привлечения взрослого представителя.

²³ Доклад по итогам Пятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и режимам для правонарушителей (Женева, 1 – 12 сентября 1975 года) // Документ ООН A/CONF. 56/10. С. 132.

²⁴ Рабочий документ ООН «Новая роль полиции и других органов в обеспечении правопорядка с особым упором на изменяющуюся обстановку и минимальные нормы эффективности» // Документ ООН A/CONF. 56/5. С. 53–54.

²⁵ Принята 15.12.1980 Резолюцией 35/171 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС КонсультантПлюс.

²⁶ Рабочий документ ООН «Пятьдесят лет Конгрессам ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: прошлые достижения и будущие перспективы» // A/CONF. 203/15. С. 5.

²⁷ См. рабочий документ ООН «Справедливость и правосудие в отношении несовершеннолетних: до и после совершения преступления» // A/CONF. 87/5. С. 10–11.

Принципиальной особенностью Каракасской декларации является более широкий взгляд на проблему преступности несовершеннолетних, не ограничивающийся разработкой надлежащих судебных процедур.

Понятие «ювенальная юстиция» (juvenile justice) имеет также «допроцессуальную часть», когда детям предоставляются дополнительные социальные гарантии, направленные на профилактику совершения ими преступлений. И хотя эти процедуры напрямую не касаются построения справедливого процесса, однако их неприменение существенным образом сказывается на результатах осуществления правосудия, что не снимает определенную степень вины государства за упущения в системе предупреждения преступности.

Ключевой гарантией реализации рассматриваемого нами права является все же обеспечение независимости и беспристрастности судебной системы.

На VII Конгрессе этот вопрос также вызвал активную дискуссию. В результате были приняты Основные принципы независимости судебных органов²⁸.

В преамбуле к документу признается особый статус судей по отношению к иным органам государственной власти, т. к. они принимают «окончательные решения по вопросам жизни и смерти, свободы, прав, обязанностей и собственности граждан».

В этой связи судьи должны быть независимы от действий иных органов и организаций, что обеспечивается прежде всего кадровой политикой:

- несомненно судьи должны иметь высокую профессиональную квалификацию;
- немаловажным является требование о соответствии их высоким моральным качествам и способностям;
- процедура назначения на должность судей должна быть максимально прозрачной с тем, чтобы соблюдались обозначенные выше условия;
- судья только в том случае может быть отстранен от должности, если отсутствует сама объективная возможность исполнять свои обязанности;
- само производство о привлечении к ответственности судей должно носить справедливый характер, который как минимум предполагает соблюдение названных гарантий и исключает их голословное обвинение в совершении противоправного и недопустимого поступка.

Буквальное прочтение Основных принципов свидетельствует о том, что разработчики

связывали справедливость судопроизводства не только с высоким уровнем институциональной организации судебной власти, но и с необходимостью соблюдения определенной процедуры при осуществлении правосудия. К числу принципиальных гарантий такой процедурной справедливости вполне разумно отнесены следующие положения:

- судебные решения принимаются исключительно на основании фактов и только в соответствии с законом;
- при определении вопросов, подлежащих исследованию в судебном заседании, судья ограничен лишь интересами правосудия и только он определяет их характер в каждом конкретном случае;
- принцип независимости судебных органов дает им не только полномочия, но накладывает обязанность обеспечить справедливость ведения судебного разбирательства, с соблюдением прав сторон, участвующих в уголовном судопроизводстве.

В принципе 5 отдельно подчеркивается недопустимость создания особых трибуналов, их функционирование под видом обычных судов, а также подмена упрощенными административными процедурами правил судебного производства по уголовным делам и принципов их справедливого разбирательства.

Здесь следует отметить, что уже приводившиеся нами призывы Конгрессов ООН к передаче дел на рассмотрение общинных или товарищеских судов данный принцип не ограничивает и не противоречит им, т. к. подобные «квази-разбирательства» являются по своей сути «пробационными», направленными на профилактику совершения преступлений в будущем.

С другой же стороны, применение обозначенных нами процедур в таких присутствиях только усиливает их значимость и приближает к судебным органам, что делает всю систему правосудия не только исполнителем важной государственной функции, но и органом, обеспечивающим воспитательное воздействие закона на население.

Анализ Основных принципов по этому вопросу выявляет следующие предписания:

- распределение дел между судьями является внутренним делом администрации судов;
- повышение судьи в должности возможно только в силу объективных факторов, в частности способностей, моральных качеств и опыта;
- процедура отстранения судей от должности должна соответствовать заранее установленным правилам судебного поведения;
- решение об отстранении от должности или увольнении судьи должно быть предметом независимой проверки.

²⁸ Одобрены Резолюцией 40/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.1985 // СПС КонсультантПлюс.

В последующем уже в 1989 г. в развитие обозначенных принципов были приняты Процедуры эффективного осуществления Основных принципов независимости судебных органов²⁹.

Как следует из названия документа, его основная цель заключается в обеспечении реализации заложенных в Основных принципах правил.

С этой целью введено требование об обязательном обнародовании Основных принципов по правилам публикации внутренних государственных законов, а также установлена обязанность обеспечить надлежащее финансирование судебной системы с тем, чтобы добиться экономической самостоятельности судебных институтов в целом и судей в частности.

Глобальный итог обсуждения названной проблематики выразился в принятии в 2002 г. Бангалорских принципов поведения судей³⁰, которые уже систематизированы и разделены на большие подгруппы в зависимости от направленности предписаний: обеспечивающие независимость, объективность, честность судей, соблюдение ими этических норм, их приверженность принципу равенства, стремление их к собственной компетентности и развитию профессионализма.

Тщательное исследование названных документов демонстрирует одну особенность судебной деятельности — она не может носить излишне поисковый характер в деле противодействия преступности. В силу необходимости обеспечить объективность собственной позиции судьи не могут проявлять неуместный «активизм», в том числе поиск новых преступлений.

Проведенный анализ позволяет выявить постоянные признаки справедливого судопроизводства, не подлежащие изменению при организации и проведении любых реформ судебной и правоохранительной систем. Среди ключевых можно выделить следующие:

- правосудие должно осуществляться занимающим особое положение в системе государственного аппарата органом — независимым и беспристрастным судом, действующим на основах самоуправления;
- судебное решение не может являться окончательным и неоспоримым, производство в суде второй инстанции также создает условия для обеспечения доступа к правосудию;
- необходима дифференциация формы уголовного судопроизводства в зависимости от личности потерпевшего и обвиняемого;

- идеи верховенства права, приоритета прав человека безусловно должны учитываться на правоприменительном уровне, поскольку это создает препятствия для излишнего формализма и «черствости» к чаяниям людей на практике;
- соблюдение принципа справедливости при производстве по уголовному делу в той же степени отвечает интересам правосудия, что и обеспечение его эффективности, гуманности и направленности на установление истины.

Несмотря на значительность проделанной в рамках ООН работы по разъяснению идеи справедливости уголовного судопроизводства, она в любом случае остается достаточно широкой по содержанию, что создает условия для ее неадекватного толкования правоприменительными органами не только на национальном, но и на международном уровнях.

Как известно, борьба с преступностью возможна только в рамках наступательной позиции правоохранительных органов, нацеленных на установление всех обстоятельств содеянного, «вооруженных» стратегически выверенным инструментарием уголовной политики.

Великий советский криминолог И.И. Карпец, в конце жизни подвергнув свои взгляды советского периода идеологической ревизии, с сожалением констатировал, что многие современные ему перегибы сталинского времени или приукрашивания криминальной ситуации в обществе периода Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева шли от излишней политизации внутригосударственных действий властей, попыток объяснить сложные социальные явления сравнительно упрощенной теорией классовой борьбы и необходимостью построения социалистического государства [23, с. 8].

В условиях отсутствия в обществе серьезной дискуссии о проблемах преступности такое положение привело к «моральной» самоуверенности советской элиты по поводу «светлого будущего» страны, что в конце концов снизило ее сопротивляемость внешней агрессии [24], а также внутренним деструктивным факторам (отсутствие противодействия развитию радикального национализма в республиках, сложности экономического характера и т.д.) [25,26].

Так же как проблема борьбы с преступностью, вопрос обеспечения справедливости судебного разбирательства по уголовным делам является сложным, требующим выработки соответствующих международных стандартов, которые, в свою очередь, будут только в том случае являться жизнеспособными, если станут изучаться правоприменительными органами государств, а также учитываться на законодательном уровне каждой страны.

²⁹ Приняты 24.05.1989 в соответствии с Резолюцией 1989/60 на 15-м пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН // СПС КонсультантПлюс.

³⁰ E/CN.4/2003.

Приведенные выше признаки справедливой судебной системы в этом смысле заслуживают внимания и в условиях грядущих изменений в обществе. Глобальная цифровизация, облегчающая работу судей, прокуроров, следователей по накоплению, обработке и анализу значимой для использования в процессе доказывания по уголовному делу информации, не должна умалять существа правосудия как особого вида государственной деятельности, направленной на обеспечение выполнения генеральной функции государства — сохранения целостности общества.

Список литературы

1. Спиридонов Л.И. Размышления о состоянии современной юридической науки (отрывки занятий с аспирантами по теории права) // История государства и права. 2009. № 24. С. 16–21.
2. Цицерон М.Т. Диалоги: О государстве. О законах / Изд. подгот. И.Н. Веселовский [и др.]. М.: Наука, 1966.
3. Lemonik. M.M. Law and Justice around the World: A Comparative Approach. Oakland. Univ of California Press, 2020.
4. Исламское уголовное право и процесс / Под общ. ред. И.Ю. Козлихина, Н.Г. Стойко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
5. Липкина Н.Н. Международные обязательства по правам человека: тенденции развития в контексте глобализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.
6. Зорькин В. Право — для человека // Российская газета. 2008. 25 ноябрь. № 4798.
7. Витцгум В.Г. Международное право = Volkerrecht / Вольфганг Граф Витцгум [и др.], пер. с нем. / [В. Бергманн]; науч. ред. и сост. Т.Ф. Яковлева. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
8. Лукашева Е.А. Международные пакты о правах человека: итоги компромисса // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. С. 15–21.
9. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 88.
10. Самович Ю.В. Международная судебная защита прав человека. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.
11. Фасмер Р.М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. О.Н. Трубачев. М.: Прогресс, 1964–1973.
12. Барышева Е.В. Теория прав человека: учеб. пособие по специальности «политология» / авт.-сост. Е.В. Барышева, М.А. Гордеева, Н.В. Шатина. М.: РУДН, 2012.
13. Насер А.А. Защита прав и свобод человека в арабских странах: монография. М.: КНОРУС, 2017.
14. Оганесян Т. «Азиатские ценности» и их роль в становлении субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 81–92.
15. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М.: Волтерс Клувер, 2006.
16. Савельев В.А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 63–72.
17. Головкин Л.В. Уголовный процесс и производство по делам об административных правонарушениях: новые тенденции (§5 глава 1) // Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 47–52.
18. Скирда М.В. Роль конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в совершенствовании законодательства Российской Федерации в области уголовного правосудия. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009.
19. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1989.
20. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны / Уильям Блум [пер. с англ. под рук. А. Чернова и Е. Логинова]. 2-е изд. М.: Кучково поле, 2014.
21. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: Типо-литография А.М. Вольфа, 1885.
22. Жиффар К. Попытки: руководство по составлению сообщений. Процедуры документирования и составления заявлений о пытках в контексте международной системы защиты прав человека. Эссекский университет. Центр по правам человека. 2000 // Информационный портал Специализированного агентства ООН по делам беженцев. URL: <https://www.refworld.org.ru/> С. 9 (дата обращения: 29.09.2020).
23. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992.
24. Серебрянников В.В. Мировая холодная война второй половины XX века: (к 10-летию разрушения СССР) // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 205–223.
25. Фроянов И.Я. Погружение в бездну. (Россия на исходе XX века). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
26. Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения / В.А. Михайлов; Под ред. М.П. Волкова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
27. Бочкарев С.А. Виртуальное измерение уголовно-правовой реальности // Современное право. 2012. № 7. С. 116–123.
28. Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. [и др.]. Пути развития философии права в России // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 10. № 1. С. 9–49. doi: <https://doi.org/10.17816/RJLS18236>
29. Печегин Д.А. Состязательная и розыскная модели судопроизводства в Международном уголовном суде. М., 2017. 192 с.

30. Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать,

чтобы восстановить ее / Уильям Пицци [перевод с англ. Д.А Печегина; под ред. М.А. Кудратова]. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 280 с.

Fair Trial in Criminal Matters: UN Standards and Factors of Transformation of its Russian Model

Tymoshenko Andrey,

PhD in Law, University Professor,
Prosecutor's Office of the Russian Federation
E-mail: antim1@yandex.ru

Abstract. *Based on an analysis of international standards in the field of justice discussed at the 13 UN Congresses on Crime Prevention and Criminal Justice since 1950, the article examines the characteristics of the “ideal” model of a fair criminal process from the point of view of the world community. In the context of a fairly broad understanding of the sign of justice, both at the level of national law enforcement bodies and in the context of the application of international acts by various intergovernmental organizations, it is quite important to isolate the key signs of justice. The author studied not only the International Conventions and Declarations discussed at the Congresses, but also their working documents, which made it possible to more accurately determine the desired vector of development of national legislation in its movement toward building a more just criminal process.*

The conclusions drawn in the work based on the results of the study can be used in lawmaking, as well as be the subject of scientific discussion of the acceptability of the recommendations of the international community for the purposes of effective lawmaking and law enforcement.

The author also proposes to take into account the identified factors affecting the fairness of legal proceedings when building scenario analysis models regarding the future transformation of the judicial system in connection with its global digitalization.

Keywords: *criminal proceedings, generally recognized principles and norms of international law, human rights, digitalization, transformation of the judicial system, justice, the right to a fair trial.*

References

1. Spiridonov L.I. Razmyshleniya o sostoyanii sovremennoj yuridicheskoy nauki (otryvki zanyatij s aspirantami po teorii prava). *Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(24):16-21. (In Russ.).
2. Ciceron M.T. Dialogi: O gosudarstve. O zakonah. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.).
3. Lemonik. M.M. Law and Justice around the World: A Comparative Approach. Oakland. University of California Press, 2020.
4. Islamskoe ugovnoe pravo i process. Pod obshch. red. I.Yu. Kozlihina, N.G. Stojko. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018. (In Russ.).
5. Lipkina N.N. Mezhdunarodnye obyazatel'stva po pravam cheloveka: tendencii razvitiya v kontekste globalizacii: monografiya. Moscow: Yurlitinform, 2019. (In Russ.).
6. Zor'kin V. Pravo — dlya cheloveka. *Rossijskaya gazeta*. 2008. 25 noyabr'. № 4798. (In Russ.).
7. Vitctum V.G. Mezhdunarodnoe pravo = Volkerrecht. Moscow: Infotropik Media, 2011. (In Russ.).
8. Lukasheva E.A. Mezhdunarodnye pakty o pravah cheloveka: itogi kompromissa. *Mezhdunarodnye pakty o pravah cheloveka: cennostnye harakteristiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2016. P. 15-21. (In Russ.).
9. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyuciya. Polnoe sobranie sochinenij. T. 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969. P. 88. (In Russ.).
10. Samovich Yu.V. Mezhdunarodnaya sudebnaya zashchita prav cheloveka. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. U'yanova-Lenina, 2006. (In Russ.).
11. Fasmer R.M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Moscow: Progress, 1964–1973. (In Russ.).
12. Barysheva E.V. Teoriya prav cheloveka: ucheb. posobie po special'nosti «politologiya». Moscow: RUDN, 2012. (In Russ.).
13. Naser A.A. Zashchita prav i svobod cheloveka v arabskih stranah: monografiya. Moscow: KNORUS, 2017. (In Russ.).
14. Oganeshyan T. «Aziatskie cennosti» i ih rol' v stanovlenii subregional'noj sistemy zashchity prav cheloveka v Azii. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2019;(1):81-92. (In Russ.).

15. Osminin B.I. Prinyatie i realizaciya gosudarstvami mezhdunarodnyh dogovornyh obyazatel'stv. Moscow: Volters Kluver, 2006. (In Russ.).
16. Savel'ev V.A. Spravedlivost' (aequitas) i dobrosovestnost' (bona fides) v rimskom prave klassicheskogo perioda. *Gosudarstvo i pravo*. 2014;(3):63-72. (In Russ.).
17. Golovko L.V. Ugolovnyj process i proizvodstvo po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: novye tendencii (§5 glava 1). Kurs ugolovnogo processa. Moscow: Statut, 2017. S. 47–52. (In Russ.).
18. Skirda M.V. Rol' kongressov OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugolovnomu pravosudiyu v sovershenstvovanii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v oblasti ugolovnogo pravosudiya. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2009. (In Russ.).
19. Dubinin N.P., Karpec I.I., Kudryavcev V.N. Genetika, povedenie, otvetstvennost': O prirode antiobshchestvennyh postupkov i putyah ih preduprezhdeniya. Moscow: Politizdat, 1989. (In Russ.).
20. Blum U. Ubijstvo demokratii: operacii CRU i Pentagona v period holodnoj vojny. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. (In Russ.).
21. Fojnickij I.Ya. Zashchita v ugolovnom processe kak sluzhenie obshchestvennoe. Saint-Petersburg: Tipo-litografiya A.M. Vol'fa, 1885. (In Russ.).
22. Zhiffar K. Pytki: rukovodstvo po sostavleniyu soobshchenij. Procedury dokumentirovaniya i sostavleniya zayavlenij o pytkah v kontekste mezhdunarodnoj sistemy zashchity prav cheloveka. Essekskij universitet. Centr po pravam cheloveka. 2000. Informacionnyj portal Specializirovannogo agentstva OON po delam bezhencev. URL: <https://www.refworld.org/ru/> S. 9 (Accessed: 29.09.2020). (In Russ.).
23. Karpec I.I. Prestupnost': illyuzii i real'nost'. Moscow: Rossijskoe pravo, 1992. (In Russ.).
24. Serebryannikov V.V. Mirovaya holodnaya vojna vtoroj poloviny XX veka: (k 10-letiyu razrusheniya SSSR). *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2002;(1):205-223. (In Russ.).
25. Froyanov I.Ya. Pogruzhenie v bezdnu. (Rossiya na iskhode XX veka). Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. (In Russ.).
26. Mihajlov V.A. Sub'ektivnye osnovy nacional'nogo dvizheniya. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. (In Russ.).
27. Bochkarev S.A. Virtual measurement of criminal and legal reality. *Modern law*. 2012;(7):116-123. (In Russ.).
28. Gusejnov A.A., Stepin V.S., Smirnov A.V. et al. Ways of development of the philosophy of law in Russia. *Russian Journal of Legal Studies*. 2017;1(10):9-49. doi: <https://doi.org/10.17816/RJLS18236> (In Russ.).
29. Pechegin D. A. Adversarial and investigative models of legal proceedings in the International criminal court. Moscow, 2017. 192 p.
30. Pizzi W. Trials without truth: why our system of criminal justice has become an expensive mistake and what we need to do to rebuild it / William Pizzi [translated from English by D. A. Pechegin; edited by M. A. Kudratov]. Moscow: Infotropic Media, 2019. 280 p.